

ГЛАВА 9

Перезагрузка или перегрузка? Инициатива Обамы

В марте 2009 года во время своей первой встречи с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым в Женеве государственный секретарь США Хиллари Клинтон вручила ему маленькую подарочную коробочку. Под жадными взглядами репортеров Лавров открыл ее и обнаружил внутри красную кнопку, поверх которой красовалось написанное латиницей слово: *peregruzka*. Бегло взглянув на сувенир, Лавров удивленно обратился к Хиллари Клинтон: «Вы написали неправильно»¹. По замыслу американской стороны, на кнопке должно было значиться слово *perezagruzka*, а вовсе не «перегрузка». Не смущившаяся этой досадной путаницей, Клинтон отшутилась, и обе стороны в том же шутливом тоне признали, что повестка у них и правда перегружена². На следующий день российская газета «Коммерсантъ» вышла с таким заголовком: «Сергей Лавров и Хиллари Клинтон нажали не на ту кнопку»³.

Так что же означало это понятие «перезагрузка»? Вопрос не только в буквальном значении, но и в философском. Означало ли это нажать на кнопку и вернуться к прежнему статус-кво? Если так, то к какому именно статус-кво? Перезагрузка включает в себя все то, что было прежде, ничего нового она не предполагает. Разнообразие метафорических трактовок «перезагрузки» было столь же широким, как и ее политический смысл. Некоторые российские обозреватели утверждали, что *peregruzka* куда лучше отражает суть и перспективы американо-российских взаимоотношений, чем правильное слово *perezagruzka*⁴. В конечном счете российское правительство никогда не воспринимало перезагрузку как свое детище и все время настаивало, что инициатором

перезагрузки выступило не оно, а американская сторона. Как высказался по этому поводу замминистра иностранных дел России Сергей Рябков, «”перезагрузка” как термин — это не наш слог, не наш язык, не наше слово, мы предпочитаем говорить о том, чтобы продолжить позитивную тенденцию последнего времени»⁵. К тому времени, как Медведев покинул Кремль, освободив президентское кресло для Путина, неправильное слово на той пресловутой кнопке, казалось, лучше отражало положение дел, чем изначально подразумевавшееся. Российско-американские отношения и в самом деле были перегружены раздорами и недоверием времен холодной войны и последующих десятилетий; но все же администрация Обамы в свой первый срок ухитрилась нажать кнопку перезагрузки и улучшить как атмосферу, так и содержание двусторонних отношений.

Притом что инициатива возобновления более дружеских отношений с США после 11 сентября исходила от российской стороны, идея в четвертый раз после окончания холодной войны перезагрузить американо-российские отношения зародилась в Вашингтоне. Администрация Обамы пришла к власти в период очередной напряженности в американо-российских отношениях и заявила, что улучшение отношений с Москвой — один из ее внешнеполитических приоритетов. С точки зрения России предложенная Обамой перезагрузка представляла собой всего лишь корректировку американского политического курса, и из этого следовало, что именно на американской стороне лежит ответственность за ухудшение двусторонних связей. Перезагрузка привела к тому, что США в большей степени изменили свою политику по отношению к России, чем Россия — по отношению к США, и это признавали как критики, так и сторонники этой идеи в обеих странах. Этому способствовало и то, что и Белый дом, и Кремль обрели новых хозяев.

Представители американских властей подчеркивали, что у перезагрузки были ограниченные цели, большинство которых достигнуто, и что к 2012 году понятие «перезагрузка» перестало отражать суть американо-российских отношений⁶. Путин и сам заявил в ходе почти пятичасовой пресс-конференции в декабре 2012 года, что война в Ираке отравила отношения двух стран, и в очередной раз повторил, что термин «перезагрузка» придумали в Вашингтоне и что в отношениях двух стран нет ничего такого, что требовало бы перезагрузки⁷. Подобно Клинтону и Бушу, Обама и его администрация на старте второго президентского срока убедились, что Россия партнер куда более трудный, чем им представлялось.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 2008 ГОДА И ИЗБРАНИЕ ОБАМЫ

Наступивший после войны с Грузией почти ледниковый период в отношениях США и России по времени совпал с самой горячей порой президентской гонки в США. Как и в предыдущих кампаниях, тема России и на этот раз вторглась в политические дебаты. Однако скорее косвенно. В 2000 году республиканцы обвиняли демократов, что те строили слишком личные отношения с ельцинской Россией и подвели российский народ. В 2008 году уже демократы обвинили республиканцев в том, что те строили слишком личные отношения с путинской Россией и вели безответственную политику, которая поставила две страны на грани прямой конфронтации в Закавказье. Политики и политические обозреватели спорили, как развивать отношения с Россией, не поступаясь ни американскими ценностями, ни американскими интересами. Кандидат от Республиканской партии Джон Маккейн, с его репутацией непримиримого критика России, делал все возможное, чтобы выставить своего соперника Барака Обаму как неопытного и наивного политика, не понимающего, что делать с Россией. Обама же в период президентской кампании очень осторожно высказывался в адрес России. После избрания новому президенту требовалось не обмануть ничьих ожиданий в части отношений с Россией и убедить склонный к скепсису Конгресс — особенно когда республиканцы в 2010 году вернули себе большинство в Палате представителей, — что американо-российские отношения действительно вступили в более продуктивную фазу. Могла ли новая президентская администрация теперь, по прошествии двух десятков лет после распада СССР, повернуть вспять сложившуюся за десятилетие практику «вздорных» отношений и добиться конкретного результата?

Если за плечами у Джона Маккейна был многолетний опыт в вопросах международной безопасности и оборонной политики, то Барак Обама располагал весьма скромным внешнеполитическим опытом. Хотя он и председательствовал в сенатском подкомитете по делам Европы, но провел всего несколько слушаний, и о его взглядах на Россию было мало что известно. Впрочем, он посетил Россию в 2005 году в бытность сенатором. Тогда Обама сопровождал своего однопартийца Ричарда Лугара в поездке по России и Украине, чтобы обсудить реализацию программ Нанна—Лугара по снижению ядерной угрозы и укреплению безопасности на российских ядерных объектах.

Они посетили тогда Саратов и Пермь, где вели демонтаж ракетных комплексов «Молодец» и «Тополь». По причинам, до сих пор неясным, самолет двух сенаторов на несколько часов задержали с вылетом из Перми и лишь потом позволили самолету вылететь в Москву. Несмотря на эту непредвиденную задержку, напомнившую Обаме времена холодной войны, он вынес из своего визита впечатление, что «судя по всему, процесс экономической, если не политической, интеграции Востока и Запада приобрел необратимый характер»⁸.

Во время первых телевизионных дебатов Обама позволял себе резкие высказывания в адрес России. Весь ход двусторонних отношений, утверждал он, следует оценивать с учетом только что завершившейся войны в Грузии. Россия, заявил Обама, «не может считаться сверхдержавой или державой XXI века и при этом вести себя как диктатура XX века». Далее он говорил, что у Соединенных Штатов и России определенно имеются общие интересы, например в области нераспространения, и что следующий президент США, выстраивая отношения с Россией, должен не «заглядывать в глаза и постигать душу», а руководствоваться интересами США в области национальной безопасности⁹. В ходе вторых дебатов он повторил многие из этих пунктов, но заметил, что центральным вопросом для США на ближайшие годы станет «восстающая Россия», и обещал, что окажет «моральную поддержку» и конкретную помощь Польше, Эстонии и Латвии, а особенно Грузии, в их стараниях противостоять российскому давлению¹⁰. В комментариях к этим дебатам российские эксперты высказывали серьезные сомнения, так ли уж различается политика двух кандидатов в президенты США насчет России¹¹.

Тем временем Обама созвал группу советников и поставил им задачу продумать, как улучшить отношения с Россией и перестроить американо-российские связи, чтобы они были более последовательными, продуктивными и основательными¹². Участники группы резко критиковали Буша за то, что тот так и не сумел добиться от России сколько-нибудь серьезных шагов по ядерным вопросам, и со своей стороны выдвинули целый ряд инициатив по ядерным вооружениям. В том числе они рекомендовали администрации подходить к проблеме противоракетной обороны «жестко, прагматично и дипломатически» и заручиться сотрудничеством России в период развертывания ПРО. Эксперты признали, что «Соединенные Штаты не располагают достаточно мощными рычагами, чтобы воздействовать на ход внутренних перемен в России

мерами принуждения», и потому рекомендовали проводить двоякую дипломатию: вовлекать Россию в сотрудничество по вопросам, касающимся жизненно важных интересов США, особенно в ядерной сфере, и в то же время продолжать программы поддержки демократии. В части отношений России с постсоветскими государствами рекомендовалось продвигать проекты новых трубопроводов на территории Евразии и поддерживать демократию на Украине и в Грузии. Перечисленные рекомендации представляли собой часть более широкой стратегии, призванной оживить сотрудничество с союзниками США и привлечь великие державы, такие как Россия, к решению глобальных проблем¹³.

В период предвыборной кампании началась бурная активность в ведущих экспертных центрах США, как в республиканских, так и в демократических. Многие горели желанием предложить будущему президенту свои рекомендации, как улучшить связи с Москвой и как вообще быть с Россией. Многие их предложения были аналогичны тем, что выдвигались в преддверии президентских выборов 2000 года, разве что на сей раз они звучали более настоятельно: в результате грузинской войны американо-российские связи сильно пострадали. Тем не менее тон в этом хоре советчиков задавали два политических тяжеловеса — бывшие государственные секретари США Генри Киссинджер и Джордж Шульц. Оба осудили отсутствие контактов двух стран на высшем уровне после российско-грузинской войны, призывали к выжидательной политике в деле дальнейшего расширения НАТО и были единодушны во мнении, что «изоляцию России нельзя считать жизнеспособной политикой с дальним прицелом»¹⁴.

ПЕРЕЗАГРУЗКА И ТАНДЕМ

Первая реакция России на избрание Барака Обамы была, мягко говоря, необычной. На следующий день после победы Обамы на выборах президент РФ Дмитрий Медведев огласил свое первое послание Федеральному собранию Российской Федерации. В первых строках он осудил грузинскую агрессию, присутствие военных кораблей НАТО в акватории Черного моря и планы США в области противоракетной обороны. Завершалось послание президента обещанием, что Россия развернет в Калининграде ракетный комплекс «Искандер», чтобы нейтрализовать американскую систему ПРО. Вместе с тем президент России отметил: «Но, подчеркну, у нас нет проблем с американским народом, у нас нет

врожденного антиамериканизма»¹⁵. Медведев ни словом не обмолвился, что в Соединенных Штатах буквально накануне избран новый президент. Не сказать, чтобы это было сколько-нибудь благоприятное начало отношений между двумя президентами. Еще через десять дней Медведев отправился в Вашингтон на саммит «Большой двадцатки», посвященный глобальному финансовому кризису. Он специально выкроил время в своем графике, чтобы выступить перед Советом по международным отношениям, и экс-госсекретарь США в администрации Клинтона Мадлен Олбрайт задала ему ряд вопросов. На сей раз риторика Медведева звучала более примирительно и он заявил, что приветствует избрание Обамы. Один из участников встречи спросил, специально ли Медведев высказал угрозы развернуть свои ракеты сразу после того, как в США был избран новый президент. Медведев объяснил, что до этого он уже дважды откладывал дату оглашения послания и потому изрядно торопился, просматривая текст. А по поводу дня обращения Медведев сказал следующее: «При всем моем уважении к Соединенным Штатам я начисто позабыл, что накануне состоялось такое важное политическое событие»¹⁶.

Вскоре после прихода в Белый дом администрация Обамы сосредоточила внимание на отношениях с Россией и заявила укрепление отношений с ней в качестве одного из приоритетов своего первого срока. И с самого начала Белый дом столкнулся со сложной проблемой: как строить отношения с властным tandemом, этим уникальным российским феноменом, который возник в результате договоренности о разделении сфер власти. В январе 2009 года, когда началось президентство Обамы, Медведев находился у руля России чуть более полугода. Если Путин принадлежал к переходному поколению россиян, заставшему и советские времена, и постсоветские, то Медведев однозначно принадлежал к постсоветскому поколению. Медведев был 1965 года рождения, и взросление его, как и Обамы, пришлось на последние годы холодной войны. Пока Путин служил агентом КГБ в Дрездене, Медведев учился в Ленинградском государственном университете, и поскольку это были перестроечные времена, он находился в гуще студенческого брожения умов. В отличие от Путина Медведев происходит из обеспеченной профессорской семьи и никогда не служил в органах государственной безопасности. С Путиным Медведев познакомился в начале 1990-х годов в аппарате мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака и с тех пор неизменно работал с ним. Так Медведев, хоть и не был выходцем из силовых

структур, стал человеком Путина и, будучи юристом, активно участвовал в деятельности Путина на ниве экономики в Петербурге. В 1999 году Медведев переехал на работу в Москву, чтобы занять место в Администрации Президента РФ, которую впоследствии возглавил, а также стал председателем совета директоров Газпрома.

С первого дня в Кремле Дмитрий Медведев старался подчеркнуть свою политическую индивидуальность. Он подчеркивал, что намерен искоренить «правовой нигилизм» и модернизировать страну. Его риторика по внутренним проблемам страны казалась прогрессивной, и в этом Медведев не изменял себе все четыре года, что находился у власти. Выглядело все так, что Медведеву поручена внешняя политика, особенно в отношении США, тогда как Путин взял на себя экономический блок проблем. Как и прочие лидеры западного мира, Обама с самого начала решил поймать Медведева на слове и строить с ним отношения так, словно тот — не только формальный, но и реальный лидер России, искренне желающий модернизировать российское общество и добиться верховенства закона. Словом, администрация Обамы решила делать ставку на Медведева и сосредоточить усилия на этой части тандема в надежде, что Медведев в конце концов сумеет политически утверждаться и сосредоточить власть в своих руках. В те времена у американских чиновников приобрело популярность выражение «подбодрить Медведева»; Вашингтон явно преувеличивал потенциальное влияние США на внутреннюю политику России. Внешнеполитический советник Путина Юрий Ушаков критиковал администрацию Обамы за то, что ее представители не слишком часто встречались с Путиным в годы его премьерства¹⁷. Хотя действительно было бы правильнее и предусмотрительнее поддерживать отношения с обоими участниками тандема, в официальных кругах США подчеркивают, что несколько раз предпринимались попытки организовать встречу президента Обамы с премьер-министром Путиным, но все они неизменно наталкивались на отказ¹⁸.

Высокопоставленные американские чиновники заверяли, что с их точки зрения ключом к успеху перезагрузки должны были стать личные отношения между Обамой и Медведевым. Эти двое — люди одного поколения, у них просматривается общий стиль, и в личном плане они совместимы друг с другом. Притом оба предпочитали избегать пышного официоза и определенно нашли общий язык. Обама потратил немало времени и усилий на переговоры с Медведевым, и в ряде случаев его личное вмешательство сыграло решающую роль, например при заключении

нового Договора по СНВ. Хотя и было очевидно, что ни одно важное решение российской стороны не может быть принято без согласия Путина, для американского президента ключевым собеседником оставался Медведев.

В феврале 2009 года на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, традиционном ежегодном форуме представителей высшего руководства оборонных и внешнеполитических ведомств, вице-президент США Джозеф Байден провозгласил новый курс американской политики. Кстати, именно с этой трибуны двумя годами ранее Путин устроил разнос Соединенным Штатам. Но в 2009 году на Мюнхенском форуме царила совсем иная атмосфера. Начать с того, что Сергей Иванов, уже в ранге вице-премьера РФ, произнес гораздо менее конфронтационную речь¹⁹. Следующим на трибуну взошел Джо Байден, «ветеран» мюнхенских встреч. Он заявил о решительном намерении администрации Обамы избегать односторонности в политике и искать сотрудничества со всем миром. А затем перешел к России: «В последние несколько лет в отношениях между Россией и членами нашего альянса наблюдается опасная тенденция. Пришло время — тут я перефразирую слова президента Обамы, — пришло время нажать кнопку перезагрузки и заново обдумать те многочисленные области, в которых мы можем и должны работать совместно с Россией»²⁰. Сергей Иванов расценил высказывания Байдена как «очень позитивные», а правительенная «Российская газета» в комментариях к Мюнхенской конференции написала: «В России американцы видят важного партнера. И готовы сотрудничать с нами по многим, в том числе спорным, вопросам»²¹. Вот так одной короткой фразой американский вице-президент изменил характер дебатов и предложил возобновить сотрудничество с Россией.

Перезагрузка Обамы строилась на осмотрительном управлении ожиданиями. В этом смысле политика Обамы больше напоминала политику Джорджа Буша-старшего, чем Клинтона или Буша-младшего. Команда Обамы осознавала, как опасно обещать слишком много. С самого начала Обама, Байден и другие высшие официальные лица высказывались в умеренных выражениях и старались задавать только такие ожидания, которые чувствовали себя в силах оправдать. Они решили внимательно прислушиваться к тому, что, по их мнению, заботит Россию, и сдержанно реагировать на словесные провокации российской стороны. Вашингтон значительно больше, чем при Клинтоне и Буше-младшем, был настроен общаться с Россией в прагматичном ключе, на основе конкретных

интересов. Особенно явно это проявлялось в двух сферах: в отношениях с постсоветскими государствами и в продвижении демократии. Памятуя, какое фиаско постигло американо-российские отношения после грузинской войны, команда Обамы гораздо тщательнее подбирала слова и осмотрительнее действовала в Грузии и на Украине и по большей части помалкивала насчет дальнейшего расширения НАТО – за исключением самых общих заявлений, что вопрос не закрыт.

В рамках той же логики впервые за несколько лет в официальном пространстве практически не звучала критика внутренней политики России, внешнеполитические связи не увязывались с тем фактом, что в России недостаточно демократии. Подход был более процедурным и прагматичным. Белый дом пустил в ход политику двойного участия: контакты на межгосударственном уровне следовало подкреплять контактами с негосударственными структурами, от общественных до коммерческих организаций, тем самым расширяя отношения²². Это также означало, что развитие отношений США и России во внешнеполитической области в открытую не привязывается к положению дел внутри России. США проводили схожую политику и по отношению к Советскому Союзу – в том и состояла суть разрядки. То же делала администрация Буша на протяжении своего первого срока, а вот во время второго вопросы внутренней и внешней политики опять стали тесно увязываться. Как любили говорить официальные представители администрации Обамы, в сфере национальной безопасности Россия должна быть частью решения, а не частью проблемы. Соединенные Штаты нуждались в сотрудничестве с Россией по нескольким ключевым вопросам: нераспространение ядерного оружия, Афганистан и Иран. В противном случае Россия могла бы вмешиваться в важнейшие для национальной безопасности США вопросы, как это не раз случалось с тех пор, как развалился Советский Союз. По сравнению с временами Буша при Обаме политика на российском направлении вызывала меньше внутренних расхождений.

2009: ЛОНДОН И МОСКВА

Перезагрузка была провозглашена во время встречи Обамы и Медведева в Лондоне 1 апреля 2009 года в преддверии саммита G20. Первая официальная встреча двух президентов проходила на фоне разыгравшегося мирового финансового кризиса. На встрече были затронуты многие вопросы, начиная с противоракетной обороны, контроля над

вооружениями, Ирана и Афганистана и заканчивая проблемой глобального финансового регулирования. Для Обамы стало приятным сюрпризом, когда Медведев неожиданно предложил расширить Северный логистический маршрут для переброски американских невоенных грузов в Афганистан. Обама и Медведев обсудили и будущее американской авиабазы Манас в Киргизстане²³. На этом саммите, в отличие от первой встречи Путина и Буша в Словении, не было места для экспансивной риторики. Обама признал, что между двумя странами существует «реальное расхождение во мнениях», но объявил о «новом прогрессе» в американо-российских отношениях и поблагодарил Медведева за его вклад в этот прогресс. Тональность встречи была сердечной, но при этом сдержанной, в духе самой перезагрузки²⁴. Отзываясь об этой встрече, Медведев на своем сайте заявил, что полон оптимизма, и заметил, что у двух стран намного больше сходств, чем расхождений²⁵. Выступая с публичной лекцией в Лондонской школе экономики, Медведев объявил, что администрация Обамы, в отличие от предшествующей, теперь прислушивается к мнению Москвы²⁶.

Состоявшийся через три месяца визит Обамы в Москву обозначил как потенциал, так и пределы новой перезагрузки, учитывая сложность и непрозрачность политики тандема. Визит Обамы очень скрупулезно освещался в подконтрольных государству электронных российских СМИ. Для Обамы самым непростым испытанием в программе визита стал двухчасовой завтрак с Путиным в его резиденции Ново-Огарево. Эта встреча так и осталась единственной между Обамой и Путиным за все годы, что последний пробыл премьер-министром России. За неделю до встречи Обама высказался, что Путин «одной ногой стоит на старых принципах ведения дел». В общении с Путиным Обама допустил оговорку совершенно по Фрейду: по старой памяти он назвал Путина президентом, а не премьер-министром, хотя тут же поправился²⁷.

Обама начал встречу с вопроса: «Как мы умудрились дойти до такой ручки – до столь низкой точки, в какой пребывают американо-российские отношения в последние годы?»²⁸ В ответ Путин разразился полуторачасовым монологом, где по очереди припомнил все, что было не так в отношениях двух стран, подробно излагая историю американо-российских отношений, а также все обиды и невыполненные обещания администрации Джорджа Буша-младшего. Выражаясь языком холодной войны, «встреча носила откровенный и деловой характер». Выйдя после этого завтрака, Обама сказал: «Путин – умный, жесткий

и проницательный, он очень несентиментальный, очень прагматичный. Он исходит из того, что хорошо для России, и будет напористо отстаивать интересы России»²⁹. Вскоре после этого на встрече Валдайского клуба Путин в сдержанных выражениях отозвался об Обаме, заметив, что его власть в принятии решений ограничена Конгрессом (у российских лидеров не было такой проблемы с Думой). С Америкой можно вести дела только после того, как американский президент добьется, чтобы Конгресс одобрил его повестку и предлагаемую им реформу здравоохранения, заметил Путин. Тем не менее Путин выразил «умеренный оптимизм» относительно взаимоотношений с США, добавив, что Россия заинтересована в «конструктивной и надежной работе» с Соединенными Штатами³⁰.

На встрече Обамы и Медведева в Кремле обстановка была не в пример сердечнее. Двум лидерам удалось достичь нескольких соглашений, которые должны были определить повестку двусторонних отношений на предстоящие три года. Это был сигнал, что наступившие после грузинской войны заморозки в отношениях России и Америки кончились. Два президента согласились начать работать в направлении договора СНВ-3* и взяли на себя обязательства существенно сократить число как боеголовок, так и средств доставки. Они также решили расширить повестку в части ядерной безопасности, в том числе открыть совместный центр раннего предупреждения, чтобы делиться данными о запусках ракет. (В 1998 году Клинтон и Ельцин уже объявляли о подобном соглашении — как потом Клинтон и Путин в 2000 году и Буш с Путиным в 2007 году, — однако центр так и не был построен.) Они подписали соглашение, по которому США разрешалось ежегодно совершать до 4,5 тысячи транзитных перелетов через территорию России для переброски воинских контингентов и вооружения летального действия в Афганистан. Кроме того, Обама и Медведев объявили о создании Российско-американской двусторонней президентской комиссии, чтобы расширять и углублять отношения двух стран. Координировать работу комиссии назначили госсекретаря США Хиллари Клинтон и министра иностранных дел России Сергея Лаврова. Два президента признали, что у них разные точки зрения по ряду вопросов, например по Грузии и противоракетной обороне, но что оба готовы работать над улучшением связей

* Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанный в апреле 2010 года.

между двумя странами. Когда кто-то из журналистов спросил Обаму, кто, по его мнению, на самом деле правит в России, американский президент дипломатично обошел каверзный вопрос: «Я так понимаю, что президент Медведев — это президент, а премьер-министр Путин — это премьер-министр, и они распределяют власть в соответствии с формой правления в России, точно так же как распределяются властные полномочия у нас в Соединенных Штатах»³¹. Некоторое время спустя высокопоставленный чиновник Государственного департамента в приватной обстановке подытожил, как администрация Обамы понимает эту ситуацию: «Медведев находился в невозможном положении. Он хотел выстроить собственную политическую базу. Но если бы он своего добился, это стало бы угрозой для Путина»³².

Во время визита в Москву Обама постарался расширить американо-российские отношения, наладив контакт с молодым поколением россиян. Он выступил с речью в российской Высшей школе экономики — перспективном молодом вузе со специализацией на экономике и управлении. Обама объяснил, что понимается под перезагрузкой, и заверил, что действительно хочет привлечь Россию к решению глобальных вопросов XXI века. Он наставлял молодое поколение активнее трудиться ради процветания своей страны и совершенствовать государственное управление³³. Ни одно из государственных СМИ не транслировало это выступление. Кроме того, Обама посетил «параллельный» саммит лидеров институтов гражданского общества, который подготовили американские и российские неправительственные организации. Туда был приглашен и Медведев, но он отказался, а потенциальных участников форума с российской стороны Кремль доходчиво отговаривал. Основной смысл речи, с которой Обама обратился к активистам гражданского общества, прочитывался четко: «В сильном жизнеспособном государстве действует сильное жизнеспособное гражданское общество». Обама припомнил, что в свое время работал общественным активистом в Чикаго, и призвал участников форума продолжать ответственную гражданскую работу³⁴. Более провокационной выглядела частная встреча Обамы с лидерами оппозиции, которым он постарался дать понять, что и в условиях перезагрузки на межгосударственном уровне США будут по-прежнему оказывать поддержку в продвижении демократии и защите прав человека в России. Главный советник Обамы по России Майкл Макфол, в свое время работавший в российском представительстве Национального демократического института, делал все возможное, чтобы перезагрузка

не воспринималась Москвой или Вашингтоном как возврат к откровенной Realpolitik. Это оказалось чрезвычайно тонкое и затяжное дело.

На московском саммите — а это был единственный визит Обамы в Россию в ходе его первого президентского срока — было объявлено об учреждении Российско-американской двусторонней президентской комиссии, которая задумывалась как улучшенный вариант прежней Комиссии Гор—Черномырдин. После нескольких лет серьезных тренингов в отношениях с Москвой Белый дом чувствовал, что нужно срочно оживить сотрудничество в интересующих его вопросах. С приходом в Кремль Медведева, критиковавшего коррупцию и беззаконие, открылись возможности более активного обсуждения политических и экономических вопросов. Обама сосредоточил внимание на личных отношениях с Медведевым, хотя и понимал, что еще неизвестно, далеко ли зайдут эти отношения ввиду сложного процесса принятия решений в Москве. Словом, новый президент США столкнулся с той же головоломкой российской власти, какую до него пытались решить его предшественники. В отсутствие других механизмов личные контакты между лидерами двух стран так и оставались неотъемлемым инструментом развития двусторонних отношений. Однако в условиях тандема персональные отношения двух лидеров имели не двусторонний, а трехсторонний формат, просто одна из сторон зачастую оставалась вне поля зрения*.

До избрания Обамы взгляды Медведева на США ничем не отличались от взглядов Путина. Но в 2009 году характер высказываний Медведева изменился, он стал отзываться о Соединенных Штатах и президенте Обаме более благожелательно³⁵. Две причины побуждали Россию смягчить свою политику в отношении США — перемены в американской политике и глобальный финансовый кризис 2008 года. И дело не только в том, что кризис ударили по России больнее, чем первоначально рассчитывали в Москве, но и в том, что и правительство, и российский бизнес ясно осознали, насколько нуждаются в западном капитале и западных технологиях, чтобы пережить кризис и преодолеть его последствия.

* Вопросы, касающиеся тандема, поднимались и в ходе дискуссий Валдайского клуба. Медведев дважды встречался с участниками клуба, в 2008 и 2009 годах, а в следующие два года оказывалось, что он «слишком загружен» и не может присутствовать на заседаниях клуба. Имя Медведева больше ассоциировалось с Международным форумом в Ярославле — встрече лидеров политической и культурной сферы, где президент председательствовал. *Прим. авт.*

ОБАМА РАЗГРЕБАЕТ ПРЕЗИДЕНТСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Новый START — Договор СНВ-3

Нераспространение ядерного оружия и контроль над вооружениями, в том числе приверженность идеи глобального нуля*, составили основу внешнеполитических приоритетов Обамы. Подписание нового договора по контролю над вооружениями числилось и в списке приоритетов Москвы, отчасти по той причине, что сокращение ядерных вооружений позволило бы высвободить часть экономических ресурсов и задействовать их в других проектах. Не менее важным был тот факт, что сами переговоры с США по контролю над вооружениями способствовали повышению международного престижа России; к тому же это была одна из немногих областей, где США и Россия как две ядерные сверхдержавы взаимодействовали друг с другом на равных. Если администрация Буша пренебрежительно относилась к соглашениям типа СНВ, почитая их за пережитки холодной войны, то администрация Обамы, напротив, находила их важными. На момент, когда Обама пришел в Белый дом, сроки действия договоров по СНП и СНВ подходили к концу: Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) 2002 года истекал в декабре 2012 года, а заключенный в 1991 году Договор о стратегических наступательных вооружениях — в декабре 2009 года. В 2008 году администрации Буша не удалось договориться с Россией об условиях договора, заменяющего СНВ-1.

Даже притом что Москва и Вашингтон достигли согласия по условиям нового договора по СНВ и обе стороны признали, что он отвечает их взаимным интересам, восемь раундов переговоров проходили весьма тяжело. С американской стороны их возглавила Роуз Гёттемюллер, многоопытная в вопросах контроля над вооружениями сотрудница Госдепартамента, сыгравшая в начале 1990-х годов не последнюю роль в переговорах по денуклеаризации Украины и Казахстана; российской группой руководил еще один ветеран переговорного процесса — Анатолий Антонов. Как вспоминает Гёттемюллер, «порой меня посещали сомнения, что мы справимся с этим делом»³⁶. Пока она вела переговоры по рамочной части договора, председатель объединенного комитета

* Полное ядерное разоружение и уничтожение всего ядерного оружия. Этой цели добивается Global Zero — международная группа из 300 политиков, ученых и бывших глав государств, в числе которых Михаил Горбачев и Джимми Картер.

начальников штабов адмирал Майк Маллен и его российский контр-агент генерал Николай Макаров утрясали технические детали договора³⁷. Главным препятствием для переговоров служили настойчивые требования России привязать новый договор по СНВ к решению по американской программе ПРО. В декабре 2009 года, когда переговоры вступили в заключительную фазу, Путин выступил с жесткой речью во Владивостоке, предупредив, что если на программу ПРО не будут наложены ограничения, Россия не станет подписывать договор по СНВ. «Проблема в том, — пояснил Путин, — что наши американские партнеры создают себе противоракетный щит, а мы — нет»³⁸ (правда, он почему-то промолчал о том, что вокруг Москвы действует система ПРО по перехвату баллистических ракет). Под конец дело пошло так туго, что только напряженный полуторачасовой телефонный разговор между Медведевым и Обамой позволил в последний момент окончательно согласовать детали договора и убедить Москву пойти на попятный³⁹. «Про договор СНВ-3 часто говорили, что этот плод висит низко и готов сам упасть в руки. А на деле мы были близки к тому, чтобы так и не сорвать его», — объяснял высокопоставленный чиновник администрации⁴⁰. Представители американской стороны понимали, что у Медведева имеются разногласия с Путиным по поводу нового СНВ, но полагали, что именно Путин в конечном счете подключился к делу и убедил скептиков в подчиненном ему Министерстве обороны РФ все же поддержать договор.

В апреле 2010 года новый договор между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений — СНВ-3 — был подписан в Праге президентами США и России. Это стало самым крупным за жизнь целого поколения соглашением по ядерным вооружениям и первым — а вероятно, что и главным, — достижением перезагрузки. В высших кругах российской власти подписание договора было встречено почти с единодушным одобрением. Медведев отметил, что этот договор «в полной мере выдерживает баланс интересов России и США» и что американо-российские отношения теперь поднялись «на более высокий уровень»⁴¹.

Стороны согласились, что число развернутых боеголовок следует ограничить 1550 единицами (прежде верхний предел составлял 2200 единиц), количество развернутых стратегических средств доставки ядерных боезарядов ограничивалось 700 единицами, а количество развернутых и неразвернутых пусковых установок — 800 единицами.

Предусматривается, что нижний предел по этим показателям будет достигнут к февралю 2018 года. В договоре предусмотрены также меры взаимного контроля его исполнения, в том числе обмен данными, уведомления и инспекции на местах, чтобы своевременно выявлять значимые нарушения договора⁴². СНВ-3 принес немало выгод национальной безопасности США. Он гарантировал ограничение российских стратегических ядерных сил, предоставляя США больше свободы действий в развитии и развертывании собственных средств ядерного сдерживания. Меры контроля за исполнением договора также обеспечили больше прозрачности в отношениях двух стран.

В Соединенных Штатах новый договор натолкнулся на упорное противодействие группы несговорчивых конгрессменов. Процесс ратификации договора пришелся на 2010 год, совпав по времени с промежуточными выборами в Конгресс, и потому растянулся на месяцы и продвигался с огромным скрипом. Чиновник администрации признавался: непонятно, что было труднее — договориться с российской стороной или найти общий язык с республиканцами в Конгрессе. Кончилось тем, что Сенат принял постановление, требующее от администрации Обамы увеличить военные расходы, чтобы процесс разработки систем ПРО и модернизации ядерных вооружений продолжался и после вступления в силу СНВ-3⁴³.

Российские официальные лица восприняли СНВ-3 как подтверждение их правоты: двусторонние переговоры по контролю над вооружениями очень важны, а администрация Буша, мол, всегда их принижала. Несмотря на провал попыток связать подписание СНВ-3 с американской программой по ПРО, российская сторона считала, что договор укрепляет притязания России на статус великой державы. Более того, договор СНВ-3 был выгоден и в экономическом плане, поскольку позволял России сократить стратегический ядерный потенциал и вместе с тем сохранить его на значимом уровне, не подрывая своих позиций крупной ядерной державы. Это первое достижение инициированной Обамой перезагрузки выставлялось как успех российской дипломатии. Как высказался по этому поводу замминистра обороны России Анатолий Антонов*, «этот договор — “золотой стандарт” в решении проблем стратегической стабильности»⁴⁴.

* В интервью «Коммерсанту», откуда взята эта фраза, Антонов говорит, что это слова главы МИД Сергея Лаврова.

Для администрации Обамы переговоры по СНВ-3 были непосредственно связаны с твердым намерением усилить ядерную безопасность: сократить объемы ядерных материалов и обезопасить их хранение, гарантировать, что они не попадут в руки государств-изгоев или негосударственных политических сил. В 2004 году была учреждена Глобальная инициатива по снижению угрозы, а в апреле 2010 года в Вашингтоне был организован Саммит по ядерной безопасности. На саммите были представлены 29 государств, а центральным вопросом повестки дня стало предотвращение угрозы ядерного терроризма. В рамках достигнутого соглашения Вашингтон и Москва обязались утилизировать в общей сложности 68 тонн оружейного плутония — этого хватило бы для создания 1700 единиц ядерного оружия. Другие страны — участницы саммита взяли на себя обязательство сотрудничать с МАГАТЭ в деле захоронения отработанного высокообогащенного урана с гражданских АЭС⁴⁵.

Новый договор по СНВ вступил в силу в 2011 году, после ратификации его Сенатом и Государственной думой. Договор поставил точку в деле, которое много лет оставалось нерешенным, и стал своего рода эпилогом переговорных процессов и тревог холодной войны. Судя по всему, СНВ-3 обещал стать последним в своем роде всеобъемлющим американо-российским соглашением по контролю над вооружениями. В ретроспективе ясно, что согласование СНВ-3 было самым простым и прямолинейным в ряду переговоров США и России по контролю над вооружениями; в этих переговорах обе стороны придерживались одинакового видения проблемы и имели общие интересы.

Тем не менее в команде Обамы твердо решили, что новый договор по СНВ должен стать первым шагом к более амбициозной цели — глобальному ядерному разоружению. В ежегодном послании к Конгрессу США «О положении в стране» 2013 года Обама заявил о намерении и дальше укреплять контроль над вооружениями: «Мы заручимся участием России в дальнейших поисках возможностей сократить наши ядерные арсеналы»⁴⁶. Это означало, что на повестке дня несколько пунктов. Первый — попытаться договориться о дальнейшем сокращении развернутых стратегических боеголовок и средств их доставки. Причем если американская сторона проявляла желание обдумать такую возможность, то Россия скорее противилась этому из тех соображений, что ядерный арсенал компенсирует слабость ее обычных вооружений и вооруженных сил. Более того, Россию тревожили долгосрочные намерения Китая, и потому было разумно сохранять ядерные силы на уровне,

достаточном для сдерживания будущих китайских амбиций. Ядерные вооружения в глазах Москвы оставались одним из последних ее атрибутов как великой державы, и было сомнительно, чтобы Кремль пошел на дальнейшее сокращение ядерных вооружений в условиях, когда сохранялась неопределенность относительно планов США в области противоракетной обороны. Вашингтон же сохранял заинтересованность в переговорах по сокращению тактических ядерных вооружений, где превосходство России было особенно очевидным, хотя, по мнению Москвы, ее тактические ядерные силы как раз могли восполнить дефицит стратегических вооружений. Самым же спорным вопросом оставалась противоракетная оборона⁴⁷.

Противоракетная оборона

В период обоих президентских сроков Буша планы США в области ПРО, и особенно по части размещения радаров слежения на территории Чехии и развертывания десяти наземных ракет-перехватчиков в Польше, перешли в разряд самых тяжелых и губительных проблем для американо-российских отношений. Идеи по урегулированию напряженности — предложения Путина совместно использовать РЛС в Азербайджане и на юге России при условии, что США остановят развертывание элементов ПРО в Центральной Европе, и встречное предложение Буша допустить присутствие представителей российских властей на местах базирования элементов ПРО в Чехии и Польше — не решали вопрос. Москва продолжала настаивать, что американская система противоракетной обороны в действительности направлена против России, а вовсе не против Ирана или Северной Кореи, и что Вашингтон намерен нейтрализовать российские средства ядерного сдерживания. После неудавшихся попыток привязать решения по ПРО к подписанию договора СНВ-3 Россия в конце концов приняла тот факт, что договор не ограничит американскую ПРО, хотя у России оставалась возможность выйти из него в случае, если развертывание системы ПРО пойдет дальше. Ряд европейских союзников США из числа стран «старой» Европы скептически относились к самой необходимости и обоснованности развертывания элементов ПРО, отчасти из-за того, что их беспокоила негативная реакция России⁴⁸.

Во время июльского саммита 2009 года в Москве Обама пообещал Медведеву пересмотреть планы по ПРО, полученные им в наследство от администрации Буша. Самыми острыми проблемами были развер-

тывание элементов ПРО в Чехии и Польше. Вскоре после московского американо-российского саммита группа видных бывших лидеров стран Центральной Европы, в том числе экс-президент Чехии Вацлав Гавел и два бывших президента Польши Александр Квасьневский и Лех Валенса, встревоженные результатами саммита и возможными последствиями американо-российской перезагрузки для их национальной безопасности, предприняли ответный ход. Они обратились к администрации Обамы с открытым письмом, где высказали опасения, что «государства Центральной и Восточной Европы больше не являются предметом первой важности для американской внешней политики». Они выразили недовольство тем фактом, что НАТО стояло в стороне, когда Россия вторглась в Грузию и попирала принципы Хельсинкского заключительного акта*. Россия, утверждалось в письме, «возвратилась на мировую арену в качестве ревизионистской силы, которая преследует свои цели времен XIX века тактикой и методами XXI века». Они настоятельно требовали от Обамы не отказываться от развертывания элементов ПРО без консультаций с Польшей или Чешской Республикой и предупреждали, что это подорвет доверие к США в регионе⁴⁹.

И все же примерно через полтора месяца администрация Обамы именно это и сделала – изменила параметры программы ПРО, не про-консультировавшись со своими союзниками в Центральной Европе. Соединенные Штаты отменили свои планы разместить радары в Чехии и базы ракет-перехватчиков в Польше, мотивируя этот шаг тем, что, согласно новым исследованиям, иранская программа по ракетам большой дальности развивается более медленными темпами, чем предполагалось ранее, и что ракеты средней дальности представляют более серьезную опасность. Обама связался по телефону с руководителями Польши и Чехии, чтобы поставить их в известность о своем решении, прямо перед тем, как новость была публично объявлена. Он отметил, что новая программа США по ПРО берет на вооружение «поэтапный адаптивный подход», что в итоге обеспечит «более мощную, быструю и точную» защиту как для Вашингтона, так и для его союзников. Новая версия программы предусматривала, что развертывание будет осуществляться более гибко,

* Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 году. С него началась работа СБСЕ (позднее ОБСЕ), документ закреплял политические и территориальные итоги Второй мировой войны, принципы нерушимости границ, территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

в четыре этапа общей продолжительностью до 2020 года, и начнется с развертывания элементов ПРО на борту военных кораблей, после чего плавно перейдет к развертыванию наземных элементов⁵⁰.

Российский представитель отметил, что этот шаг США — «определен-но добрый знак для нас». Стоит ли говорить, что правительства Чехии и Польши выразили разочарование, что после всех политических усилий, потраченных ими, чтобы продвинуть идею размещения элементов ПРО на их территории, Вашингтон спасовал и под давлением Москвы отказался от их идеи. К хору критиков решения Обамы присоединили свои голоса и республиканцы⁵¹. И хотя в Белом доме это решительно отрицали, напрашивался вывод, что развертывание элементов системы ПРО в Центральной Европе — это для Обамы второстепенный по важности вопрос по сравнению с перезагрузкой американо-российских отношений. И все же многие страны — члены НАТО, как и генеральный секретарь альянса, приветствовали такой курс действий. Канцлер Германии Меркель усмотрела в этом шаге Вашингтона шанс «интенсифицировать сотрудничество с Москвой по международным вопросам»⁵².

Затем администрация Обамы намеревалась расширить план, подключив к нему НАТО и начав совместную программу по противоракетной обороне через переговоры с Россией по линии Совета Россия—НАТО, а также через двусторонние американо-российские переговоры. Американская сторона упорно добивалась соглашения, невзирая на очередную порцию возражений России. Постоянный представитель США при НАТО Иво Даалдер рассказывал, что «вторая половина 2010 года стала периодом особенно радужных надежд» и в администрации Обамы преисполнились оптимизма, что добиться такого соглашения вполне реально⁵³. В ноябре 2010 года Медведев посетил Лиссабонский саммит НАТО, чтобы провести встречу в Совете Россия—НАТО, третью с момента учреждения Совета в 2002 году и первую после грузинской войны. Совет решил оценить угрозы для совместной программы обороны от баллистических ракет и возобновить сотрудничество двух стран в области противоракетной обороны театра^{*} военных действий⁵⁴. Хотя поэтапный подход администрации США к программе ПРО до некоторой степени рассеял опасения России по поводу ее развертывания в Центральной Европе, новый план Обамы позволял к 2018 году разместить на территории

* Речь идет о системе противоракетной обороны, предназначеннной для защиты войск, находящихся в другой стране, а также государств-союзников.

Польши более совершенные ракеты-перехватчики в случае, если Иран продолжит наращивать свои ракетные возможности. Россию больше всего беспокоил именно этот этап нового плана США, и кое-кто в российском руководстве разглядел в них угрозу ядерным средствам устрашения самой России⁵⁵. Вопрос о создании совместной российско-американской системы ПРО обсуждался неоднократно, но это ни к чему не привело. Официальные представители России, начиная с министра иностранных дел Сергея Лаврова и заканчивая постоянным представителем России при НАТО и записным антагонистом альянса Дмитрием Рогозиным, все усерднее повторяли рефрен двух последних десятилетий: система ПРО на самом деле направлена вовсе не против Ирана или Северной Кореи, истинная мишень для ПРО — Россия. Предложенный Обамой поэтапный подход, указывали они, касается вопроса о военных возможностях США, но не оговаривает их намерения. И если мощь системы ПРО будет и дальше наращиваться, то в один прекрасный день она превратится в угрозу для российских ядерных сил сдерживания. Москва потребовала от Вашингтона юридических гарантий, что система ПРО не будет угрожать российским средствам сдерживания. Однако власти США разъяснили, что Конгресс в принципе не может одобрить такие гарантии.

В ноябре 2011 года на встрече Валдайского клуба Путин в очередной раз озвучил мысль, занявшую к этому времени центральное место во внешнеполитической риторике России: «Мы считаем, что размещение системы противоракетной обороны представляет угрозу для России». «Не угрожайте нам», — предупредил Путин. По его словам, если понадобится, Россия развернет собственную систему, чтобы противостоять американской ПРО. Путин сослался на Рогозина, заявившего, что весной 2011 года влиятельные сенаторы от Республиканской партии сказали ему, будто система противоракетной обороны действительно нацелена на Россию, добавив при этом: «Теперь ход за вами. Ходить будете?» История получила курьезный эпилог, когда Путин заметил, что Соединенные Штаты и СССР в 1940-е годы успешно «делились» друг с другом сведениями по атомным технологиям и это могло бы стать моделью для будущего сотрудничества. Его американских собеседников, мягко говоря, озадачило употребление слова «делиться» применительно к шпионской деятельности Юлиуса Розенберга и его коллег, передававших Советскому Союзу атомные секреты США⁵⁶.

В конце ноября 2011 года президент Медведев объявил, что длившиеся год переговоры с США о совместной противоракетной обороне

завершены. Москва так и не смогла выбить у Вашингтона юридические гарантии, что американская система ПРО не будет применяться против России. Медведев повторил угрозу развернуть в Калининграде ракетный комплекс «Искандер», впервые озвученную им на следующий день после избрания Обамы президентом. Медведев предупредил также, что Россия может выйти из ранее подписанного ею договора СНВ-3 и расторгнуть сотрудничество по Афганистану. Медведев указал, что дальнейшие переговоры будут возможны, если США пожелают принять в расчет «законные интересы безопасности» России⁵⁷.

Бывший председатель объединенного комитета начальников штабов США адмирал Майк Маллен объяснил эту позицию Москвы страхами, что ПРО в конечном счете вырастет в угрозу стратегическим силам России, остающимся в глазах российской власти последним атрибутом крупной державы⁵⁸.

Как ни подчеркивала американская сторона свою готовность продолжить переговоры по совместно используемой системе ПРО, все указывало на то, что в этой части перезагрузка потерпела фиаско. Как прокомментировал положение бывший советник по национальной безопасности Стивен Хэдли, «контуры договоренности есть. Пути сотрудничества ясны и понятны лет вот уже двадцать. Попытки делали и Буш-старший, и Клинтон, и Буш-младший, и Обама. Но политику не преодолеешь»⁵⁹. Эту мысль подтвердил и Путин в своих высказываниях после встречи с Обамой в июне 2012 года в ходе саммита G20 в Мексике: «Думаю, проблема противоракетного щита не будет разрешена независимо от того, переизберут Обаму или нет»⁶⁰. Отрезвляющее прозвучала реплика замминистра иностранных дел Сергея Рябкова: «Мы рассчитываем, что проблемы в области ПРО не разрастутся до масштабов, когда в наших отношениях начнется реальный откат, реальное, глубокое похолодание, не говоря уже о ледниковом периоде»⁶¹. Патовая ситуация в области ПРО завершилась забавным эпизодом: на саммите по ядерной безопасности в Сеуле в марте 2012 года, спустя несколько недель после переизбрания Путина президентом России, Обама, не заметив включенного микрофона, по секрету поделился с уходящим президентом Медведевым своими планами относительно ПРО: «После переизбрания я смогу позволить себе больше гибкости». На что Медведев отозвался: «Я понял. Я передам эту информацию Владимиру»⁶². Само собой, эта сценка вызвала едкие комментарии у соперника Обамы на президентских выборах 2012 года Митта Ромни.

В марте 2013 года министр обороны Чак Хейгел объявил, что администрация Обамы приняла решение отказаться от четвертого этапа программы ПРО, который предусматривал размещение на территории Польши и Румынии ракет-перехватчиков наземного базирования. Этот шаг обосновывался тем, что опасность вероятного запуска ракет Северной Кореи повысилась и потому необходимо увеличить количество ракет-перехватчиков, развернутых на Аляске⁶³. Российская сторона, хоть и возражала против третьего и четвертого этапов предложенной Обамой в 2010 году программы, приветствовала эту новость весьма сдержанно. Замминистра иностранных дел Сергей Рябков заявил, что не ощущает «никакой эйфории»⁶⁴.

Афганистан

Если в плане ПРО ситуация зашла в тупик, то по двум другим своим приоритетам в области безопасности – Афганистану и Ирану – США сумели наладить с Россией куда более плодотворное сотрудничество. Для Обамы победа в войне в Афганистане и скорейший вывод оттуда американского контингента были не просто предвыборными обещаниями, но и одним из высших приоритетов в политике с его первых дней в Белом доме. И роль России в этом деле была важна: она могла как помочь, так и помешать США в достижении этой цели. Хотя Путин и согласился поддержать американцев, когда администрация Буша только начинала афганскую кампанию, отношение Кремля к этой войне оставалось двойственным. С одной стороны, Россию пугали возможные последствия для стабильности соседнего с ней государства в случае, если НАТО выведет свои войска до того, как государственная власть в Афганистане окрепнет, сможет удерживать ситуацию под контролем и отражать натиск исламистского терроризма. С другой стороны, чем дольше затягивалось бы военное присутствие США в Центральной Азии, тем труднее было бы Москве консолидировать «сферу своих привилегированных интересов» в этом регионе. Более того, провал американской кампании в Афганистане пролил бы живительный бальзам Schadenfreude – злорадства – на сердце страны, у которой и по сей день не зажили раны от ее собственного поражения в Афганистане, приблизившего падение Советского Союза. Поэтому стремление сдержать влияние Запада в Центральной Азии умеряло желание России сотрудничать с НАТО⁶⁵. Тем не менее двойственное отношение Кремля к военной операции в Афганистане

начало сходить на нет по мере ухудшения ситуации, приближавшего неприятную перспективу возобновления действий мятежников и исламистского экстремизма на южных рубежах России. Если СССР завяз в Афганистане на долгие десять лет, то США, как прогнозировал Дональд Рамсфельд, задержатся там не более чем на десять недель. В итоге же Соединенные Штаты воюют в Афганистане даже дольше, чем СССР.

Вскоре после прихода Обамы к власти было объявлено о вводе в Афганистан нового военного контингента, и в конечном счете туда было дополнительно переброшено 50 тысяч американских военнослужащих. Однако возникли труднопреодолимые логистические проблемы: как организовать переброску живой силы и боевой техники на территорию страны, которая не имеет выхода к морю и со всех сторон окружена государствами, которые относятся к США враждебно или настороженно? До 2009 года снаряжение и горючее транспортировались главным образом через пакистанский порт Карачи, оттуда — через Хайберский проход и далее до Восточного Афганистана по суровой и неприветливой местности. Однако этот путь пролегал в опасной близости от очагов боевых действий мятежников на территории Пакистана, и случаи нападений на конвои и кражи военного имущества все учащались. В начале 2009 года НАТО открыло Северный логистический маршрут — альтернативный путь для транзита военных грузов на север Афганистана из Европы через Центральную Азию. Были заключены коммерческие соглашения о доставке грузов автомобильным, железнодорожным и воздушным транспортом, соединяющим балтийские и каспийские порты с Афганистаном через Россию, Центральную Азию и Кавказ. Нелетальное военное снаряжение доставлялось по железной дороге из рижского порта через Россию и Казахстан, а для транзита летальных вооружений был установлен воздушный коридор через российскую территорию.

На июльском саммите 2009 года в Москве Обама и Медведев подписали соглашение о транспортировке летальных и нелетальных грузов — Америка нуждалась в более надежных маршрутах снабжения своего контингента в Афганистане. Реализация соглашения шла мучительно медленно, к концу 2009 года удалось осуществить менее двух десятков полетов. Виной тому была российская бюрократия, по политическим мотивам устраивавшая искусственные проволочки, — и это свидетельствовало, что Россия сохраняет двойственное отношение к той роли, которую США взяли на себя в Афганистане⁶⁶. Но по мере того как ухудшалась обстановка в Пакистане, помехи со стороны России ослабевали.

К концу 2012 года объем транзита военных грузов через территорию России исчислялся уже 70 тысячами контейнеров⁶⁷. В 2014 году, когда США объявили о сроках выхода из Афганистана, стало ясно, что Северный логистический маршрут будет использоваться для обратной переброски военных припасов в США и Европу.

Американо-российское сотрудничество в области противодействия афганской торговле героином расширилось до уровня совместных операций. После жалоб российской стороны, что с начала войны в Афганистане эта страна стала производить больше героина, вследствие чего сильно возросло потребление этого наркотика в России, было проведено несколько совместных с американцами операций, позволивших уничтожить ряд героиновых производств и перекрыть приток наркотиков. В области противодействия терроризму сотрудничество разведок двух стран, хотя и спорадическое, тоже продолжалось. Кроме того, Пентагон подписал контракт с «Рособоронэкспортом» о закупке 21 вертолета Ми-17 для использования в Афганистане⁶⁸. Словом, к моменту истечения первого президентского срока Обамы американо-российское сотрудничество по Афганистану стало важнейшим после подписания СНВ-3 достижением перезагрузки. Отношения США с Пакистаном — и в лучшие-то времена достаточно хрупкие — чудовищно ухудшились в 2011 году после того, как американские спецназовцы ликвидировали на пакистанской территории Усаму бен Ладена. Как сообщил председатель объединенного комитета начальников штабов адмирал Майкл Маллен в своем выступлении перед сенатской комиссией по делам вооруженных сил, ряд сотрудников пакистанских разведслужб поддерживали движение «Талибан», оказывали помощь мятежникам и подстрекали их атаковать американские цели⁶⁹. Чем менее надежным союзником для США становился Пакистан, тем больше возрастала роль России в обеспечении афганской кампании.

Это был причудливый кульбит истории, вывернувший наизнанку стереотипы холодной войны: место для перевалочного пункта грузов, предназначенных американскому военному контингенту в Афганистане, нашлось не где-нибудь, а в родном городе Владимира Ленина Ульяновске. Пока ульяновские коммунисты проводили демонстрации под лозунгами советских времен «НАТО, руки прочь от России!», бывший постоянный представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин, регулярно критиковавший США, возражал: создание перевалочного пункта для транзитных грузов НАТО в Афганистане принесет городу миллиарды

рублей и создаст рабочие места. Чем меньше времени оставалось до наступления 2014 года, тем сильнее беспокоил Россию вопрос ухода США из Афганистана. На встрече с участниками Валдайского клуба Путин сказал, что не нужно никакого «искусственного графика» выхода США из Афганистана и что Россия и США должны и дальше поддерживать сотрудничество в этой сфере. В торжественной речи по случаю открытия перевалочного пункта НАТО в Ульяновске Путин в очередной раз назвал НАТО «напоминанием о прошлом, о временах холодной войны», однако прибавил: «Мы должны помочь им»⁷⁰.

Иран

Еще в начале первого президентского срока Обама обещал, что в отличие от своего предшественника, проводившего политику изоляции Ирана, постарается наладить диалог с Тегераном. Это обещание вписывалось в более общий новый курс на расширение контактов с исламским миром. В июне 2009 года Обама выступил в Каирском университете с речью, которая, по его мысли, должна была ознаменовать собой новый поворот в политике США. «Я приехал сюда, в Каир, чтобы попытаться открыть новую страницу во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и живущими по всему миру мусульманами», — отметил Обама⁷¹. Российские политические обозреватели благосклонно встретили эти шаги администрации США и подчеркивали, что очень важно вести переговоры с иранцами. Увы, в том же месяце в Иране прошли президентские выборы, и народные протесты против их результатов были жестоко подавлены. Вашингтон подверг критике иранское правительство за его действия против собственного населения. Если раньше у Вашингтона теплилась хоть какая-то надежда на возможность проводить в отношении Ирана политику «двойного участия», то теперь она быстро увяла. Белому дому оставалось заняться разрешением главной проблемы в американо-иранских отношениях — ядерной программы Ирана. По иранскому вопросу, как и по афганскому, Россия имела возможность как чинить препятствия в плане безопасности Европы и США, так и оказать американцам содействие. Политика перезагрузки как раз и была направлена на то, чтобы заручиться поддержкой России в плане ограничения иранской ядерной программы и перебороть двойственную позицию России по отношению к Тегерану.

В период президентства Дмитрия Медведева Россия предпринимала усилия, чтобы расширить сотрудничество с США и общими силами

сдерживать ядерную программу Ирана. Решающий момент наступил в сентябре 2009 года, когда советник Обамы по национальной безопасности генерал Джеймс Джонс показал своему российскому коллеге Сергею Приходько сделанные со спутника снимки секретного подземного объекта по обогащению урана в районе города Кум. В ответ россиянин покачал головой и сказал: «Это плохо, очень плохо»⁷². Два дня спустя на саммите «Большой двадцатки» в Питтсбурге Обама обсудил с Медведевым иранский объект в Куме – российская разведка, очевидно, пролистала его. Разговор этот повлиял на мнение Медведева о санкциях против Ирана. В октябре 2009 года российский президент внес корректировки в политику относительно Ирана, допустив, что «в некоторых случаях санкций не избежать», хотя объявил, что в целом остается противником санкций⁷³.

В последующие несколько месяцев Вашингтон провел с Москвой серию интенсивных обсуждений, чтобы заручиться поддержкой Кремля в преддверии новых санкций против Ирана. На Пражском саммите в апреле 2010 года, где был подписан СНВ-3, Обама и Медведев львиную долю времени посвятили обсуждению санкций и вообще политики в отношении Ирана. В июне 2010 года Россия в числе пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН проголосовала за принятие Резолюции 1929, согласно которой ООН ввела четвертый, значительно более широкий пакет санкций против Ирана, предусматривавший в числе прочего ужесточение финансового контроля и расширение эмбарго на поставки оружия⁷⁴. Столь же важное значение Белый дом придавал расторжению Россией контракта на поставку Тегерану зенитных ракетных систем С-300 на общую сумму \$800 млн⁷⁵. Продажа Ирану этих систем вызывала повышенное беспокойство у США и Израиля, и после расторжения контракта Иран обвинил Россию, что та уступила давлению со стороны американцев и израильтян. Вполне вероятно, что Медведев согласился расторгнуть этот контракт из желания активно продолжать перезагрузку; но не менее вероятно, что причиной стало нарастающее беспокойство самой России по поводу иранской ядерной программы.

И все же отношение России к Ирану так и оставалось двойственным. Москва по-прежнему утверждала, что Иран имеет право на программу мирного использования атома, и в который раз указывала на отсутствие доказательств, что Иран добился каких-либо успехов в производстве ядерного оружия. А тем временем строительство Бушерской АЭС в 2010 году после многочисленных проволочек все же завершилось, и в 2011 году она была введена в эксплуатацию⁷⁶. Мало того, когда

Почему Америка и Россия не слышат друг друга?

в ноябре 2011 года вышел доклад МАГАТЭ, где утверждалось, что на новом объекте Иран работает над созданием атомной бомбы, Россия заявила в ответ, что в докладе не приводится никаких новых доказательств и что дальнейшие санкции, за которые так ратуют ее американские и европейские партнеры, непродуктивны⁷⁷. Близкие к правительству РФ СМИ обвиняли США в фальсификации доказательств существования ядерной программы Ирана и предупреждали об опасности ударов Израиля или США по иранским ядерным объектам⁷⁸. В одной из предвыборных статей Путина, опубликованных в 2012 году, говорилось, что последствия военного удара по Ирану будут «поистине катастрофическими»⁷⁹. Когда ситуация вокруг Ирана обострилась, встал вопрос о том, что Иран может перекрыть судоходство через Ормузский пролив, и о возможных мерах возмездия со стороны Запада, Россия предприняла попытку укрепить отношения с Тегераном. Администрация Обамы, как и до нее администрация Буша, на собственном опыте убедилась, что существуют пределы, дальше которых Россия не намерена дистанцироваться от одного из немногих своих оставшихся партнеров на Ближнем Востоке.

Команде Обамы стало ясно, что хотя США и Россия в рамках перезагрузки способны договариваться по целому ряду ключевых проблем, разногласия по другим вопросам сохраняются. И это стало еще очевиднее в 2012 году, в преддверии президентских выборов в России.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

Максимально полезные книги